

КАЖДОЙ МИНУТОЙ В ТРУДЕ ДОРОЖИ!

ОГОНЬ

тили и подсчитывали на клочках бумаги... Вспомнилось как начальник отражательного передела Владимир Иванович Филиппов, член городского комитета партгосконтроля, сидя на заседании комитета, неотрывно глядел в окно на одну из труб комбината, через которую отводятся газы из плавильной печи. По его лицу было видно, что в мыслях он там, у приборов. А когда из трубы вырвался шлейф черного дыма, Филиппов не выдержал:

— Товарищи, не могу я здесь сидеть, отпустите.— И члены комитета поняли...

Новое топливо — мазут— вело себя капризно. Работники института ВНИИМТ запроектировали диаметр отверстия у форсунки, через которую топливо распыляется в печи, девять миллиметров. Отверстие оказалось велико, гонимый мощными воздушными струями, мазут летел «живьем», не сгорая. Температура в печи была ниже необходимого уровня. Заместитель начальника цеха М. И. Черненко, В. И. Филиппов, старший мастер Г. А. Куимов, мастера И. В. Шестаков, В. И. Елизаров, слесари А. Гаврилов и О. Поединчиков, работники экспериментальной лаборатории на часы не поглядывали—думали, и искали, отвергали или обсуждали предложения. Уменьшали подачу воздуха, диаметр отверстия...

День 3 мая всем запомнился. Стрелки приборов замерли на том уровне температуры, которого так упорно добивались. С тех пор окончательно угасли угольные горелки: печь работает на мазуте.

—Замечательное дело — говорят Федор Григорьевич. Боль-

шое облегчение для всех дал этот мазут. И температура ровно держится, и пыли не стало. И экономия топлива приличная. Угольной пыли сжигали около десяти тонн в час, а мазута вполтину меньше. Электроэнергия тоже экономится. Для распыления угольного топлива подавалось три струи воздуха — первичный, вторичный и третичный. А сейчас первичный отключен, мощные вентиляторы энергии уже не забирают.

—А чистота в цехе и вокруг него?—Федор Григорьевич оглядывает выбеленные стены...

—Раньше побелка была бесполезным делом. А теперь вон и здание пылеугольной фабрики, получившей отставку, белое стоит. А было чернее ночи...

Подходим к шлаковому окну. Огненный ручей плака вытекает по жолобу из печи и, пройдя грануляционную установку, бисером сыплется в струях воды в специальный бассейн.

—Здесь тоже новшество — сообщает мастер. Раньше тут туман стоял. Вода на грануляцию шла круговоротом одна и та же. Остывать не успевала, пар все кругом застилал. А сейчас вода идет из Сорьи по новому водоводу. Всегда холодная, потому и пара нет. Также облегчение для рабочих.

Вот так ходили мы по переделу, и старый металлург сопоставлял нынешнее с прежним. И везде он с удовольствием отмечал новое. Подошли к сифону —отверстие для выпуска штейна. Федор Григорьевич показывает на лотки, устроенные в самом низу стен печи.

—Раньше здесь штейн выпускали. Отверстия маленькие, полагает, бывало, на грех какой камешек—ципн пропал. Бьешь, бьешь шпуром, потом исходишь, душа с телом расстается, а он, проклятуций, сидит. А теперь ок-

но большое, порог из глины убирать большого труда не стоит.

О многих новшествах рассказал еще Федор Григорьевич. Вспомнил, что в первые годы штейна плавил в три раза меньше, чем теперь, что газ пожирал всю растительность в городе, а скоро он почти весь пойдёт на выработку серной кислоты. И что на смену мазуту в недалеком будущем придет природный газ. Работать будет еще интереснее и легче. И в голосе Аликина слышалось и сожаление, что ему не придется работать в еще более обновленном цехе, и радость за все перемены, что уже произошли и намечаются.

Пока мы так беседовали, к Федору Григорьевичу подошел мастер из конверторного передела Александр Сергеевич Кривенко.

—Давай штейн, мастер!..

Аликин кивнул Анатолию Жарикову — высокому, плечистому парню. Тот открыл сливное отверстие, и раскаленная река хлынула по жолобу в ковш. Старший фурмовщик Иван Никитич Кочергин руководит заливкой штейна в конверторы, потом дает команду Вере Медведовой, машинисту скрепера, подавать кварц. Мощные вентиляторы продувают в конверторах жидкую массу, там идут бурные окислительные реакции. Конверторы брызжут фейерверками искр, пышут жаром.

Среди исполинских групп конверторов и грохочущего клекота металла люди кажутся маленькими. Но их воле подвластен огонь. Укрощенный им, он отдает свою силу металлу. Может быть медь — такая золотисто-огнистая и тяжелая потому, что она вобрала в себя и силу огня, и силу человека?

В. ФЕДОТОВ.

БЕЗ РЕКЛАМАЦИЙ

Мы сидим с начальником сернокислотного цеха

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Сегодня у нас в цехе автоматизированы все

медькомбината Геннадием Андреевичем Усовым в его кабинете и беседуем. В кабинет заходят и выходят люди, беседа наша прерывается, пока Геннадий Андреевич отдаст какие-то распоряжения, выслушивает пришедших. Я всматриваюсь в хозяина кабинета—моложавое лицо, но в волосах серебристые ниточки.

—Как мы работаем? Что касается количества продукции — мы целиком зависим от металлургов, а качество—это уж целиком наше дело. Юбиларов не принято ругать, но за последнее время нам и не за что их ругать: работают хорошо, дают газ все время выше плановой нормы на два процента.

—А что это вам дает?

—Это нам дает гарантию, что план по выработке серной кислоты мы выполним и дадим несколько сотен тонн сверхплановой продукции.

За последние дни мы идем на уровне 101 процента. Вчера и позавчера отправили по одному составу серной кислоты. Это не мало. Лучшие показатели сегодня у смены Д. Андреева — 102 процента.

—Расскажите, пожалуйста, о планах научной организации труда?

—По планам НОТ работают у нас сейчас две группы. Это рабочая сернокислотной установки и рабочие на мойке и упаковке бутылей. Возлагается это очень важное дело Яков Петрович Рыбаков. Это у нас самые трудоемкие участки. И внедрились планы НОТ в первую очередь здесь для того, чтобы ликвидировать ручной труд. Немало потрудились для внедрения планов НОТ З. Селиверстова.

основные технологические процессы. И еще одно. В автоматизированных процессах сейчас занято менее 30 процентов трудящихся цеха, остальные работают во вспомогательных службах.

—Реконструкция в цехе? Да, мы кое-что и реконструируем для увеличения выпуска продукции и улучшения условий труда. Сегодня идут работы по строительству нового контактного аппарата, реконструируем компрессорное отделение. Там будет установлена дополнительная турбогазоводка.

—Что вы можете сказать о борьбе за качество выпускаемой продукции?

—Каждую субботу мы проводим день качества. В конце дня собираемся и разбираем случаи нарушений, разрабатываем меры по их устранению, если, конечно, они бывают. Обычно мы сдаем продукцию с первого предъявления, и только один процент бывает со второго. На протяжении 1965 года, да и, пожалуй, почти всего 1964 года не было ни одной рекламации от потребителей.

Энтузиастами борьбы за качество являются заведующая лабораторией Э. Сафронова, контролеры О.Т.К. т. Кордюкова и Исенко, работница на промывке бутылей т. Батухтина, промывщик цистерн т. Юферов и наливщик т. Глазунов. Разумеется, борьбу за качество ведут все трудящиеся цеха, без этого немислимы хорошие результаты, которых, как я думаю, мы добились.

—В День металлурга,—сказал в заключение Г. Усов,—мне хотелось бы поздравить наших металлургов с праздником, пожелать еще больших трудовых

РИТМ СУПЕРФОСФАТНОГО

Ритм труда. Что же это такое? Постоянный гул, постоянное брожение химических реакций, вращение мешалок, бег транспортной ленты и умные глаза человека—простого труженика в серой сукожной спецовке? Единство огромных химических аппаратов, объединенных в схему, с работой человеческого мозга? Может быть и так.

Когда заходишь в суперфосфатный цех, он наваливается на тебя объемными в 30(!), 80 (!) кубов баками, большими и маленькими трубами, которые в хитром сплетении образуют единую сеть четырех отделений: экстракции, концентрирования, операционного, гранулирования. Каждое из них непосредственно своим дыханием дает жизнь другому.

Экстракционное отделение начинается со склада апатита. Он поступает сюда по галерее в дозаторы непрерывного действия. Аркаша Москвин подробно объясняет, как это получается и, если последовать за нитью его рассказа, то придется много раз подниматься на самые верхние этажи и снова спускаться вниз. Но Аркаша знает, что ходить и смотреть весь маршрут апатита не стоит, вот лучше... Но нужно сказать несколько слов о первом встретившемся в цехе Аркадии Москвине. Если сказать, что он отвечает за култамассовую работу в цехе, что он участник эстрадного оркестра, член комсомольского бюро и снабжает цех апатитом—это еще не все. Сейчас он — общественный помощник прокурора, и ему доверяют разбирать довольно сложные дела, потому что Аркаша — студент 3 курса Свердловского юридического института. Почему же он, химик, устремился в науку права. «Я считаю, что правовая проблема—самая актуальная». Аркаша уходит проследить сколько тонн апатита в бункерах. А солнце уже начинает разжигать затуманенные окна экстракционного отделения.

С утра работает в отделении комсомольско-молодежная смена, возглавляемая Германом Александровичем Темиргалеевым. Вообще, в смене 25 человек, но работает сегодня 18. Виктор Зыкин уехал сдавать экзамены. Он — заочник. Многие ушли в отпуски. И товарищи по работе совмещают профессии. Вот Николай Юркин. Сегодня он один в трех лицах. Дозировщик, аппаратчик и снова дозировщик. Он остаивается с нами ненадолго и снова уходит: зовет пульпа. Николай начал работать сиропщиком на подаче серной кислоты. И за 1 год получает третью специальность. Он — дозировщик, экстракторщик и скоро будет еще фильтровщиком. Что помогло ему, человеку среднего возраста, так верно планировать свое время, так быстро схватывать весь процесс работы отделения?—Школа коммунистического труда.

Серый сухой порошок поступает из дозаторов непрерывного действия и ложится на узкую ленту транспортера, а та сбрасывает апатит в экстракторы. Сюда же по трубопроводам поступает серная кислота. А чувствительные приборы показывают температуру экстракторов, сколько тонн апатита поступает за 1 час, температуру серной кислоты. Внутри экстракторов бурлит и пенится пульпа—реакция разложения апатита идет с гулом моторов насосов, всплыванием мешалок, бегом транспортной ленты. Переходя из экстрактора в экстрактор, апатит все активнее вступает в химическую реакцию. Вакуум-фильтры с ревом высасывают из него фосфорную кислоту. Мелко дрожит площадка экстракторщика. Но Алексей Лепешкин уже привык к этому и ловко прочищает лоток тонким стальным прутиком. Коммунист Алексей Лепешкин еще недавно работал машинистом вакуумных установок. Он обучил трех товарищей своей профессии, а сам

параллельно осваивал специальность фильтровщика. Сейчас он трудится на новом рабочем месте. Его черные глаза внимательно следят за всем участком. И здесь все спокойно. Пройдя под ливнем фосфорной кислоты и воды, транспортная лента выбрасывает фосфогипс, которого уже ждут черные чугунные бочки. В них через некоторое время погрузят фосфогипс и отправят на цементный завод в Нижний Тагил.

Из экстракции в отделение концентрирования поступает фосфорный ангидрид. Здесь он, насыщаясь кислотой, уваривается, затем подается насосами в охлаждающие каналы, из них— в баки крепкой кислоты и уже отсюда поступает в операционное отделение. Вот и весь химический процесс в этом отделении. Кажется так просто! Тонкие стенки колонн, баков, труб скрывают от нас жизнь химии. Все процессы в этом отделении обслуживают 8 человек. Комсомольцы. Активисты. Начальник комсомольско-молодежной смены Вениамин Ситников перешел на второй курс Уральского политехнического института. За ребят своих он спокоен. Все знают дело на отлично, потому что каждый, исключая Витю Костылева, завинчивал болты своими руками на устанавливаемом оборудовании.

— Ребята работают дружно, если «вылетит», например, какой-нибудь насос, вместе его исправляют, — рассказывает Вениамин. — Наш комсорг, Толя Кондратьев сейчас лежит в больнице. Ходим к нему каждый день. Вместе ездим на рыбалку, читаем «Комсомолку», «Смену», и ребята еще готовятся в техникумы, институты. Петя Лыжов так и написал в своих обязательствах: поступить в 1965 году в институт! И поступит! Готовится здорово!

Идет апатит по бакам, трубам, транспортерам, и превра-

щается в порошок — в застывший сок плодородия для наших селян. И все это—дело рук людей, о каждом хочется рассказать много хорошего, потому что большинство из них сами строили цех и остались работать здесь.

Осталось совсем немного времени, чтобы стрелки часов сошлись на 12. И тогда начнется новый день. А за прошедшие сутки суперфосфатчики выработали почти состав суперфосфата. Это и есть плоды трудового ритма.

М. ГАРИНА.

Модельщик Фаик Хабибуллин Валеев работает в ремонтно-механическом цехе медкомбината более 10 лет. Продукция, вышедшая из-под его рук, всегда отличается высоким качеством. Отличный производитель, Ф. Х. Валеев борется за звание ударника коммунистического труда.

На снимке: Ф. Х. Валеев за работой.

Фото К. Хисаева.

Красноуральский рабочий.

18 июля 1965 г. Стр. 3.